

Научная статья  
УДК 930.2 / 291.35  
DOI 10.46698/VNC.2026.19.95.001

## С.Д. Майнагашев – исследователь хакасского мировоззрения

**Леонид Васильевич Горбатов**

Хакасский научно-исследовательский институт языка, музей-заповедник «Хуртуях тас», научный сотрудник, кандидат исторических наук, Республика Хакасия, [sergey.tsergey.t@disseratus.ru](mailto:sergey.tsergey.t@disseratus.ru)

**Аннотация.** Статья представляет собой ретроспективный анализ этнографического наследия С.Д. Майнагашева – первого хакасского исследователя шаманских верований и обрядности. На основе его опубликованных отчётов (1913–1914 гг.) и полемических статей (1913–1915 гг.) реконструируются методы полевой работы учёного, систематизируются собранные им сведения о душе (тын, хут, сүна, үзүт), иерархии духов, межплеменных различиях (сагайцы, качинцы, бельтиры, койбалы), детально воспроизводится обряд жертвоприношения Небу (Tigir Tajı), описываются погребальные обычаи, представления о загробном возмездии и многократной смерти души. Отдельный раздел посвящён критике С.Д. Майнагашевым насильственных методов христианизации. Показано, что работы С.Д. Майнагашева являются уникальным источником по нематериальному культурному наследию хакасов начала XX в.

**Ключевые слова:** С.Д. Майнагашев, хакасы, шаманство, жертвоприношение Небу, загробная жизнь, двоеверие, критика миссионерства

**Для цитирования:** Горбатов Л.В. С.Д. Майнагашев – исследователь хакасского мировоззрения // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2026. Т. 26. № 3. С. 63–69. DOI 10.46698/VNC.2026.19.95.001

## S.D. Mainagashev as a researcher of the khakass worldview

**Leonid V. Gorbатов**

Khakassian research institute of language, literature and history, Researcher, Museum-Reserve "Khurtuyakh Tas", PhD, Russia, Republic of Khakassia, [sergey.tsergey.t@disseratus.ru](mailto:sergey.tsergey.t@disseratus.ru)

**Abstract.** This article provides a retrospective analysis of the ethnographic legacy of S.D. Mainagashev, the first Khakass researcher of shamanic beliefs and ritual practices. Based on his published field reports (1913–1914) and polemical articles (1913–1915), the study reconstructs the scholar's fieldwork methods, systematizes the data he collected on the concepts of the soul (tyn, khut, süna, üzüt), the hierarchy of spirits, and intertribal differences (Sagais, Kachins, Beltirs, Koibals). The ritual of sacrifice to the Sky (Tigir Tajı) is described in detail, and funerary customs, beliefs about posthumous retribution, and the multiple deaths of the soul are described. A separate section is devoted to S.D. Mainagashev's critique of the coercive methods of Christianization. It is shown that Mainagashev's works constitute a unique source on the intangible cultural heritage of the Khakass people in the early 20th century.

**Keywords:** S.D. Mainagashev, Khakass, shamanism, sacrifice to the Sky, afterlife, dual faith, critique of missionary activity

**For citation:** Gorbатов L.V. S.D. Mainagashev as a researcher of the khakass worldview // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS. 2026. Vol. 26. No.3. P. 63–69. DOI 10.46698/VNC.2026.19.95.001

Степан Дмитриевич Майнагашев – коренной сибирик, сагаец из рода Том, родился в 1886 г. в улусе Иресов Аскизской Степной Думы. По образованию он был юристом, окончил Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского, однако уже в детские годы у С.Д. Майнагашева вызвали интерес камлания шаманов, обрядность общественных жертвоприношений, сказания и рассказы о духах. Свободно владея местными языками и понимая обычаи, он с 1911 г. начал самостоятельно собирать лингвистический и этнографический материал, а в 1913 и 1914 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней

и Восточной Азии предпринял две трёхмесячные экспедиции в Хакасско-Минусинскую котловину. Свои исследования С.Д. Майнагашев публиковал под собственным именем, а также под псевдонимами «Не шаманист» и «Иресов» [1]. В 1918 г. на II съезде инородцев (Прим.: термин «инородец» ушёл из официального употребления сразу после Февральской революции 1917 г.) в улусе Чарков он предложил для всех коренных жителей котловины общее название «хакасы». Советскую власть С.Д. Майнагашев не принял, за что 29 апреля 1920 г. был расстрелян; реабилитирован 28 августа 2000 г. [7, с. 62]. Цель данной работы – представить струк-

турированный обзор этнографического наследия С.Д. Майнагашева на основе детальных описаний ритуалов и аутентичных высказываний учёного.

### МЕТОДЫ

При написании данной статьи использован комплекс традиционных историко-этнографических методов. Базовым источником послужили опубликованные отчёты С.Д. Майнагашева о поездках 1913 и 1914 гг. к турецким (тюркским) (Прим.: турецкие – от хак. *türk*, т. е. тюркские племена) племенам Минусинского края [5; 6], а также его статьи 1913 и 1915 гг., вышедшие под псевдонимами «Не шаманист» и «Иресов» [2; 1]. Кроме того, привлечены биографические сведения и послесловие, содержащееся в современном издании трудов исследователя. Первичный материал был подвергнут текстологическому и контент-анализу: из сплошного текста отчётов выделены тематические блоки (представления о душе, классификация духов, обряды жертвоприношений, погребальная обрядность, межплеменные различия, критика миссионерства). Для систематизации данных применялся описательно-классификационный метод, позволивший сгруппировать разрозненные этнографические факты в целостную картину мировоззрения хакасов начала XX в. Сравнительный метод использован при анализе отличий сагайского, качинского, бельтирского и койбальского шаманизма. Реконструкция обряда *Tigir Taji* (жертвоприношение Небу) выполнена путём пошагового изложения процедуры, как её зафиксировал сам С.Д. Майнагашев, с сохранением локальной терминологии (*үлдүрба, чили паг, тилси* и др.). Наконец, биографический метод позволил увязать личную трагедию учёного (расстрел, реабилитация) с его научной позицией и отношением к советской власти. Все упоминания исследователя в тексте сопровождаются инициалами – С.Д. Майнагашев.

### РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе полевых исследований С.Д. Майнагашев обследовал ареалы расселения сагайцев, бельтиров, койбалов и качинцев. Географические рамки его маршрутов простирались от южной границы, где протекает река Матур, далее охватывали долину Абакана и левобережье Енисея вплоть до северных участков. Центральным пунктом был избран Иресов улус по реке Аскыс (Прим.: Иресов улус в настоящее время не существует). Исследователь отмечал: «Со стороны инородцев я пользовался полным доверием. Мне рассказывали именно с той целью, чтобы рассказанные вещи были записаны. Они говорят сами, что эти вещи забываются и скоро их в устной передаче не встретить» [5, с. 111]. С.Д. Майнагашев использовал фонограф (Прим.: фонограф – первый прибор для записи и воспроизведения звука, изобретённый Томасом Эдисоном и представленный в 1877 г. К сожалению, записи, сделанные С.Д. Майнагашевым и хранящиеся в

Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, состарились и практически не прослушиваются) для звукозаписи шаманских камланий, фотографировал обряды и предметы культа (только в 1913 г. сделано 251 изображение), собирал бубны, костюмы и символические изображения духов. Он подчёркивал сложность работы: «Понимать камлание не так легко, а записать без помощи фонографа и невозможно. Трудность заключается в том, что шаман часто употребляет древние фразы, уже вышедшие из разговорного языка, он не говорит, а поёт, и в обращениях к духам совершенно не заинтересован в том, слышат ли его люди, поэтому произносит слова весьма невнятно» [5, с. 112]. Всего было собрано 27 рассказов на темы религиозного содержания, 30 рассказов о духах с текстами обращений к ним, а также фонограммы 28 шаманских камланий. Помимо этого, С.Д. Майнагашев вёл записи по вопросам племенного происхождения по родовым *сёкам* (Прим.: *сёк*, точнее *сёк* – букв. «кость», род того или иного племени), разделив их на три группы. Наибольшее количество *сёков* (17) жило по левым притокам Абакана и выводило себя из Кузнецкого уезда – это сагайцы; бельтиры насчитывали до семи *сёков*, частью считавших себя коренными, частью – выходцами из Урянхайского края (Прим.: Урянхайский край – территория современной Тувы); койбалы (11 *сёков*) жили по правую сторону Абакана ниже Аскысского [5, с. 115–116].

### ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ВЕРОВАНИЙ И ДВОЕВЕРИЕ

С.Д. Майнагашев констатировал: «В настоящее время все инородцы крещены, но по существу исповедуемой религии их нужно отнести к шаманизму. Они всегда принимают христианского священника, совершают те христианские обряды, к каким он их призывает, но все это для них лишь приходящее извне, в повседневной же жизни все существование инородца проникнуто духом старой религии (Прим.: «старая религия» – хакасы традиционное религиозно-анимистическое мировоззрение именуют индоевропейски *андаг чуртас* – «такая жизнь»). В науке такие системы именуют «естественными» или «родоплеменными» религиями, возникшими в древности без участия божественного откровения и связанные с поклонением одушевлённой природе. Каждый хакасский род знал своих предков, имевших вид людей, животных или необычных существ; свои кладбища и родовые горы, внутри которых посмертно существовали и готовились к перерождению умершие родственники; святые и почитаемые ландшафтные объекты и деревья; *ызыхи* (жертвенные животные); родовую еду-лекарство; шаманов, оберегавших род и охранявших от вмешательства извне; домашних *тёсей*-покровителей и *тамги* – знаки собственности. Общеприняты были календарная обрядность и множество разнообразных родоплеменных культов, охватывающих все стороны жизни населения. При этом ни один из них не был столь до-

минирующим, что по нему можно было бы назвать всю религиозную систему). Рождается ребенок, он отдается под покровительство духа, которого нужно регулярно кормить и ублажать. Взрослый человек все житейские дела ведет по милости духов: дух *Töbінгэ*, умилованный жертвою, дает ему добычу на охоте, дух соседней горы устами шамана провозглашает, что у него родится нынче такое-то животное, с такими-то приметами. Умрет человек, нужно снабдить его всем необходимым для путешествия в мир душ, а шаман позаботится о том, чтобы прогнать душу, которая заживется среди живых». Так наблюдателю, по словам С.Д. Майнагашева, представляется «чрезвычайно сложная картина, где наряду с населением людей выступает многочисленное население духов и эти оба разряда населения находятся в постоянном близком общении между собою» [5, с. 111].

### МЕЖПЛЕМЕННЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ШАМАНИЗМЕ

Проводя сопоставительный анализ религиозных воззрений сагайцев и качинцев, С.Д. Майнагашев обратил внимание на то, что у первых пантеон духов выстроен в виде четкой иерархической структуры, возглавляемой ханами. Кроме того, практически каждый взрослый представитель сагайского народа осведомлен о главных духах и умеет воспроизводить обращенные к ним призывания. Что касается качинцев, то «официально качинцы, как и сагайцы, считаются православными, все крещены, но по существу, нужно сказать, православие проникло к ним значительно больше, чем к сагайцам. Однако живы еще и бывшие шаманские воззрения, только они более сбивчивы, чем у сагайцев. Шаманов у них очень мало и к тем, какие есть, они относятся с меньшим уважением. По-видимому, дело подвигается к полному их исчезновению. Рядовой качинец мало интересуется существованием духов и в большинстве случаев их не знает» [6, с. 123–124]. У абаканских качинцев шаманство еще держится, а у северных качинцев и у крайних южных матурцев оно принимает формы вырождения – нет полного костюма и бубна, знают только краткие формулы заклинаний. У сагайцев и качинцев есть общие духи, хотя у последних они несколько изменяют облик. С.Д. Майнагашев также зафиксировал, что у сагайцев, помимо иерархических духов, бытуют разрозненные домашние духи, за которыми ухаживают женщины, в основном старые. Кызыльцы, по передаче, устраивают жертвоприношение земле; шаманство у них в упадке, но внутри юрт стоит много изображений духов.

### ОБРЯД ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ НЕБУ (TIGIR TAJI)

Самое детальное описание С.Д. Майнагашев оставил об обряде *Tigir Taji*, который он наблюдал 30 июня 1913 г. у тейских бельтиров (Прим.: бель-

тиры (бельтиры) – этническая группа хакасского народа, часть сагайцев. В XVIII–XIX вв. бельтиры проживали в долине Среднего Абакана по устьям его притоков – Аскиза, Еси, Теи, Таштыпа, Матура и др.) на горе *Tigir Tajınan*. Абаканские бельтиры этого обряда совершенно не знали, а у тейских он имел характер родового праздника, проводимого раз в три года. Исследователь подчеркнул, что шаманы в нём не участвуют, и по своему смыслу «*Tigir Taji*» мало согласуется с обычными шаманистическими представлениями. Здесь моления приносятся живущим на небе «девяи творцам» и главному из них «Толы Чаян», которые не имеют ничего общего с шаманскими духами. Возносятся моления «о хлебе, посеянном русскими, о произрастании травы на черной земле для пасомого скота, о здоровье молодого поколения» [6, с. 124]. На вершину, где приносится жертва, не допускаются женщины и животные женского пола. Вместо обычного шаманского жертвенного возгласа «сёк» (Прим.: сёк, точнее сёк – возглас при кроплении напитками горным духам) здесь все, обратившись к восходу солнца и воздев руки к небу, кричат «тёр» (Прим.: *tör* (*mör*, *ter*) – возглас при кроплении молоком духу Неба). «Правда, в обряд жертвоприношения вводится отдел, где призываются духи гор, рек, долин и т. д., но инородцы сами говорят, что тогда они обращаются к шаманским духам. В этом отделе переходят на возглас «сёк». Все это наводит на мысль, что в «*Tigir Taji*» мы находим смешение двух религиозных систем» [6, с. 125] (Прим.: в молениях Небу шаманы не участвовали. Из этого исследователи традиционной культуры сделали вывод, что у хакасов, наряду с шаманством и христианством, была ещё одна, более древняя религия, основанная на почитании Неба. На самом деле всё, видимо, гораздо проще. В хакасской народной религии *алгысчи* (благопожелатели, руководившие Небесными жертвоприношениями) и шаманы являются всего лишь представителями разных культов. У каждого свои обязанности, направленные на обеспечение благополучия рода. При этом *алгысчи* могли участвовать в шаманских обрядах на обычных правах).

Подготовка к обряду начиналась с того, что каждая семья готовила *арагы* (Прим.: арагы (арага) – молочная водка, полученная путём перегонки айрана или кумыса), а одна из семей поставляла жертвенного барана – исключительно белой масти с чёрной головой. За день до обряда либо в утро самого жертвоприношения взрослые мужчины каждой семьи изготавливали так называемую *улдурба* (головную повязку). Для этого они скручивали из льняного волокна шнур такой длины, чтобы его можно было обвязать вокруг шапки или картуза. К этому шнуру крепились пучки, составленные из орлиных перьев, а также из белых и синих лоскутков ткани. Количество пучков должно было равняться числу мужских душ в семье (минимум три). Готовую повязку с прикреплёнными пучками оборачивали вокруг головного убора того члена семьи, которому предстояло отправиться на *tajyg*. При этом пе-

рья ориентировали вертикально вверх, а лоскутки оставляли свисать вниз. Затем всё обкуривалось дымом можжевельника (арчына) и надевалось на голову. Женщины и девушки на *таҗыг* не допускались.

По дороге к священной горе группы бельтиров останавливались, взрослые мужчины наливали *арагы* в деревянные чашки, срывали пучки травы и кропили по направлению к кладбищам и окружающим горам, призывая умерших сородичей и духов гор принять возлияние. На вершине сопки, где росли четыре священные берёзы, уже виднелись полустлелвшие *ўлдўрба* от прежних жертвоприношений. С.Д. Майнагашеву категорически посоветовали не брать образцы этих вещей, «иначе это может причинить роду несчастье». На вершине разводили два костра: «улуғ от» (большой, старший огонь) у священных берёз и «кичиг от» (малый, младший огонь) западнее. К «большому огню» и священным берёзам могли подходить только бельтиры, а к возносу от него нельзя было ходить никому.

Когда все собрались, приступали к закалыванию баранов. Жертвенного барана (в наблюдаемом случае – белого козлёнка) убивали особым образом: двое держали берёзовый шест, двое других брали козлёнка за передние и задние ноги и, опуская спиной на шест, переламавали ему позвоночник. Чтобы животное не кричало, зажимали рот. Тушу быстро разрезали, просовывали руку и разрывали внутренний сосуд вдоль позвоночника. Снимали шкуру, разрезали тушу так, чтобы ни одна капля крови не упала на землю. Голову, ноги и внутренности заворачивали в шкуру и складывали на зелёные берёзовые ветки, а переднюю часть туши клали в котёл вариться на «большом огне». Других баранов закалывали обычным способом – перерезанием горла; их мясо варилось на «малом огне».

Пока варилось мясо, бельтиры брались за *ўлдўрба*. Тот, кто привёз жертвенного барана, привозил и *чили паг* (Прим.: *чили паг* (чиле, чиле паг) – привязь для телят и жеребят, натянутая между двумя кольями; также, верёвка, натянутая между берёзками при Небесном жертвоприношении) – льняную верёвку длиной в семь сажень, свитую специально для *таҗыг*. Все *ўлдўрба* снимали с шапок и привязывали концами вдоль *чили паг* так, чтобы они не свешивались. В таком виде *чили паг* окуривали дымом арчына, затем один конец верёвки привязывали к крайней восточной из четырёх берёз. Все бельтиры с обнажёнными головами становились в одну группу, и держащий другой конец верёвки произносил молитвенные слова, обращаясь к Небу, горе, реке. «За ним вторят остальные, и все голоса сливаются в дружном и продолжительном возгласе “сă-ăк!” (Прим.: возглас сă-ăк, видимо, означает обращение к шаманским духам). И в голосах слышится столько чувства, как будто духи самого Неба и самых отдалённых вершин должны услышать их возгласы» [3, с. 97–98]. Совершив полный круг по направлению солнца, *чили паг* протягивали через остальные берёзы и другим концом

привязывали за крайнюю западную берёзу. Верёвка с перьями и лоскутами оставалась висеть над землёй.

Затем, когда мясо сварилось, из свежих берёзовых веток плели два *тіпсі* (Прим.: *кінім* – широкий кожаный подседельник; в тексте речь идёт о подносах *тіпсі*, на которые выкладывали мясо) – подобия подносов. На них выкладывали мясо из котла, и двое держащих *тіпсі* надевали шапки, а остальные стояли с обнажёнными головами. Снова начинали моление, совершая круг два раза также по направлению солнца. После этого всё мясо вместе с *тіпсі* клали на «большой огонь» и сжигали. Во время сожжения из ложки брызгали вином на костёр и кланялись. Старики следили за дымом: если дым поднимался, клубясь по направлению солнца, – это предвещало благополучие роду, если в обратную сторону – неблагоприятие [3, с. 98]. Этим заканчивалось собственно жертвоприношение.

После этого мясо остальных баранов, сваренное на «малом огне», шло на угощение всех присутствующих. Собравшихся рассаживали в три круга: отдельно бельтиров, отдельно чужеродцев и отдельно детей. Во время угощения строго следили, чтобы кости не разбрасывались. Завершив угощение, чужеродцам предлагали разъезжаться. Затем собирали все кости и вместе с остатками жертвенного животного (внутренности, конечности, шкура) и ветвями сжигали на «большом огне». Шкуры остальных баранов хозяева увозили домой, а шкуру жертвенного барана тоже сжигали. Во время сожжения, стоя вокруг костра, кланялись, некоторые становились на колени и просили: «Возьми своего белого барана, дай твоё счастье (благополучие) – *ах хурагынын ал, хасканын пир*». Оставшуюся часть *арагы* бельтиры выпивали только сами, так как верили, что эта *арагы* – счастье, которое дают им духи.

#### ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ И ДУШЕ

С.Д. Майнагашев заметил, что эти представления «не представляют собой стройной и законченной теории. Они отрывочные, плохо укладываемые в одну систему, присутствуют следы разнородных элементов, привнесённых отдельными племенами» [4, с. 278]. Он выделил несколько понятий души (Прим.: в традиционных воззрениях хакасов и алтайцев каждое дышащее существо – человек, животное, растение – обладало нематериальным двойником. В этнографической науке этот невидимый компонент получил условное наименование «душа», однако подобная терминология нередко порождает смешение с христианской доктриной, где душа трактуется как бессмертная, неделимая, нематериальная сущность, вместилище разума и чувств. В шаманистских системах верований у одного человека выделяют до семи различных разновидностей души. Часть из них отвечает за развитие и поддержание физического тела в земной жизни. После смерти человека

эти души претерпевают трансформацию, переходя в иные формы существования; они временно пребывают вне телесной оболочки, постепенно перемещаясь в мир умерших. Понятие *тын* обозначает одновременно душу и жизненную силу – саму жизнь; когда человек умирает, уничтожается его тын. Собственно душа, способная жить после смерти, имеет названия: *хут* (или *чула*) – душа живого человека; если она покидает его, человек начинает болеть, и шаман возвращает её. После смерти душа называется *сүна* или *сүрнү*. Через год после смерти, когда с умершим прощаются навсегда, душа именуется *үзүт*.

Похороны, наблюденные С.Д. Майнагашевым в улусе Кызласовом, подробно описаны. Покойник лежал в гробу из двух половинок выдолбленного древесного ствола, одетый в лучшие одежды. С ним положили шубу, запасные рубаху и штаны, лишнюю пару обуви, опояску с огнивом, трупом и кремнём, а также опояску его умершего маленького сына, «чтобы малыш в загробном мире не ощущал в ней недостатка». У ног покойного в мешке был запас еды, рядом поставили деревянный ящик с медным чайником, деревянной чашкой, ложкой, чайной чашкой с блюдцем, гребень, шило с нитками из жил, тонкие ремни и пшеничные калачи. Пока покойник ещё был в юрте, на столе у ног приготовили обильное угощение – хлеб, мясо, яйца, сыр, пряники, сахар, чай с молоком, арагы. Родственники приходили с приношениями, время от времени выливали арагы на край костра, бросали в огонь маленькие кусочки пищи. «Покойник ел и пил, прежде чем расстаться с родственниками». При выносе тела запирали двери юрты и ворота, «чтобы умерший не взял с собой все имущество, оставшееся живым». На кладбище в гробу оставляли мешок с едой и две бутылки арагы, каждый предмет предварительно надрезали или надламывали.

Поминки устраивались на третий, седьмой, двадцатый, сороковой день, через полгода и через год после смерти. Накануне годовых поминок вечером собирались родственники, приносили арагы и кушанья, часть выливали в костёр для покойника, а еду складывали на берестяной поднос. В сумерки, «когда, полагали, приходит душа умершего, чтобы провести вечер среди живых», начинали класть еду в костёр. На следующий день ехали на кладбище: на могиле разводили костёр, ставили еду и арагы на плоский камень у изголовья, курили трубку для покойника. Живые угощались сами, приглашая невидимых умерших разделить трапезу. «Так живые и мертвые трогательно делили между собою трапезу» [4, с. 291].

Страна умерших, по рассказам качинцев, находится где-то далеко или под землёй, либо на горе *Пулан-таг* в Кузнецком Алатау. Души умерших от оспы уходят в особую степную местность среди тайги. До окончательного ухода души могут вредить живым: носятся в виде вихря, могут схватить душу человека. На вихрь плюют, размахивают ножом или палкой. Если душа умершего вселяет-

ся в живого, у того внезапно болит живот с рвотой. Для изгнания приглашают особых людей, которые плюют на больного, бьют его одеждой, жгут талган или табак на углях, подносят горящий уголь, называя имена умерших. «Если имя души будет найдено, изгоняющий чувствует нервное покалывание, сопровождающееся позывами. Тогда боль должна пройти». Если же переживание наступает при имени живого человека, значит, тому предстоит скоро умереть. С.Д. Майнагашев также зафиксировал идею возмездия в загробном мире: подземным миром управляет Ильхан, который вершит суд, и виновные подвергаются второй смерти. «Минусинские турки говорят, что человек может умирать до 4-х раз. При этом женщины при шитье надевают в этой жизни наперсток на указательный палец, после первой смерти надевают на средний палец, после второй смерти – на безымянный палец; после третьей смерти человек превращается в ночную бабочку. Самое название бабочки “*үзүт хубаган*” обнаруживает ее происхождение... После четвертой смерти души, т. е. этой бабочки, она исчезает окончательно» [4, с. 278].

#### ЗАЩИТА ШАМАНСТВА И КРИТИКА МИССИОНЕРСТВА

В статьях 1913 и 1915 гг. под псевдонимами «Не шаманист» и «Иресов» С.Д. Майнагашев выступил с резкой критикой методов насильственной христианизации. Он опровергал трактовку бывшего аскизского священника отца Василия Суховского [8], который называл общественные жертвоприношения на горах (Прим.: родовые или Небесные горы, где раньше делали жертвоприношения животными) «пирушками» и «пикниками». «Глубочайшие душевные раны наносят такие поступки ее религиозному мышлению», – писал С.Д. Майнагашев о старости, для которой эти обряды священны [1]. Он привёл факты, когда священники врываются в юрты, отбирали бубны и сжигали их, секли шаманов, привязывали к столбам, увозили культовые фигурки (например, каменную фигурку духа Иней-Тас). При этом население оказывало тихое сопротивление: бубны выкрадывали со складов, священники не могли удержать отобранное. С.Д. Майнагашев подробно разбирал психологию шамана: «Он впечатлительная натура, глубоко верящая в реальность духов и в священное значение культовых предметов. Если он отдаёт или продает какой-либо предмет, наряду с осознанием собственной вины, у него появляется страх перед разгневанными духами» [1]. Он приводил примеры: сильный шаман, никогда не падавший в обморок, после продажи бубна впервые упал в обморок – «духи наказали»; шаманка, согласившаяся продать бубен, в последнем камлании впала в глубокий обморок и отказалась от продажи; ещё один шаман, у которого обманом отобрали костюм и бубен, вскоре умер – народ приписал это мести духов.

Наряду с этим С.Д. Майнагашев фиксировал явления двоеверия. Одна женщина говорила, что

«хочет пригласить шамана, чтобы изгнать вредных духов из ее жилища, а потом пригласить священника, чтобы он освятил уже очищенное жилище. Тогда духи больше не смогут вернуться». Шаманского духа-покровителя Ымай под влиянием христианства стали отождествлять с Ангелом-Хранителем. Молодой шаман смешал христианские воззрения с шаманскими, переделав имя Богородицы в своей молитвенной песне в «Пуга-Матыр». Однако тот же шаман после долгих уговоров согласился продать бубен, но выговорил себе право на последнее «прощальное» камлание; его отец, узнав об этом, «вознегодовал, решительно и энергично запротестовал, и запретил продажу». Самое яркое резюме своей критики С.Д. Майнагашев дал в финальной отповеди: «...факты ярко характеризуют отношение официальных “цивилизаторов” не только к религиозным воззрениям инородцев, но и к общему укладу их жизни, к их национальной культуре, быть может, и примитивной, но имеющей, несомненно, большую ценность. ...Мы приносим инородцам водку, мы приносим им сифилис, мы разрушаем их хозяйственное благосостояние. В течение каких-нибудь двух столетий могучий свободный народ, предки которого вместе с Чингисханом покоряли мир, обратился в жалкое, вырождающееся племя. Но этого мало. ...Невежественные люди, не могущие понять дивной красоты этих религиозных обрядов и песнопений, гонят, преследуют шаманов, думая, таким образом, увеличить число последователей Христа» [1].

### ОБСУЖДЕНИЕ

Полевые материалы С.Д. Майнагашева представляют собой уникальный источник по традиционному мировоззрению хакасов начала XX в. Их ценность определяется несколькими факторами. Во-первых, они собраны носителем культуры, свободно владеющим языком и пользующимся полным доверием информантов. Это позволило зафиксировать не только внешнюю сторону обрядов, но и внутренние интерпретации – то, что сам С.Д. Майнагашев называл «глубиной народных религиозных знаний». Во-вторых, сравнительный анализ сагайского и качинского шаманизма показал уровень его упадка в зависимости от степени христианизации: качинцы, которые жили рядом с русскими поселениями, потеряли сложные иерархии божеств, а сагайцы на периферии сохранили их почти полностью. В-третьих, ритуал *Tigir Taj*, детально реконструированный исследователем по шагам, представляет архаичный небесный культ, не сводимый к классическому шаманизму. С.Д. Майнагашев первым заговорил о смешении двух систем – обращения к «девяти творцам» с возгласом «төр» и последующих призываний шаманских духов с возгласом «сөк». Данное наблюдение остается решающим в рамках споров о происхождении хакасского тенгрианства. Столь же подробно зафиксированные погребальные обряды и представ-

ления о многократной смерти души (вплоть до превращения в ночную бабочку) редко встречаются в этнографической литературе с такой степенью детализации. Идея суда Ильхана в подземном мире и второй смерти за грехи указывает на элементы этизации загробного воздаяния, не всегда свойственные архаичному шаманизму. С.Д. Майнагашев сам признавался, что не успел разобраться в этих противоречиях, отметив «некоторую двойственность в религиозном сознании качинцев» [6, с. 125]. Но именно эта фиксация противоречий делает его записи особенно ценными.

Отдельного обсуждения заслуживает его полемическая деятельность. С.Д. Майнагашев не был апологетом шаманства как неизменной системы – он выступал против насильственного разрушения «национальной души» невежественными миссионерами, которые не несли ни образования, ни медицинской помощи, а лишь водку, сифилис и экономическую деградацию. Его статья «К вопросу о шаманстве» (под псевдонимом «Не шаманист») – это одновременно этнографический очерк и гражданский манифест. Примечательно, что С.Д. Майнагашев не отрицал возможности культурной эволюции: «Конечно, если бы борьба с шаманизмом велась культурными способами, если бы вместо разрушаемых насильственным путем старых форм жизни... влилась новая, свежая струя цивилизующего влияния мирового прогресса, то мы бы всецело ее поддерживали» [1]. Эта позиция отличает его как от консервативных защитников старины, так и от большевистских борцов с «религиозным дурманом» (позже приведшая к его расстрелу).

Сам С.Д. Майнагашев с научной скромностью называл свои исследования поверхностными, сожалел, что у него не было десятилетий жизни для полной систематизации «нематериального культурного наследия». Но даже то, что он успел – фонограммы 28 камланий, сотни фотографий, десятки текстов, этногенетические таблицы, – составляет фундамент всех последующих работ по традиционной культуре хакасов. Трагическая гибель ученого в 1920 г. и реабилитация только в 2000 г. символизируют разрыв научной традиции, который до сих пор не восполнен. «Чуртас чолы – судьба!» – восклицает автор послесловия. В этой фразе – и приятие неумолимого, и горечь утраты.

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный ретроспективный анализ полевых отчетов и публицистических статей С.Д. Майнагашева позволяет сделать несколько обобщающих выводов. Во-первых, его экспедиционные материалы 1913–1914 гг. представляют собой не просто свод этнографических фактов, а систему взаимосвязанных описаний, фиксирующих мировоззрение хакасов в переломный момент активного разрушения традиционных культов под двойным давлением православной миссии и хозяйственной колонизации. Благодаря владению языком и аутентичной методике

включённого наблюдения С.Д. Майнагашев сумел зафиксировать не только экзотические обряды, но и внутреннюю логику верований – от иерархии духов до представлений о многократной смерти души.

Сравнительный анализ сагайского и качинского шаманизма показал уровень его упадка в зависимости от степени христианизации: качинцы, которые жили рядом с русскими поселениями, потеряли сложные иерархии божеств, а сагайцы, на периферии сохранили их почти полностью. Ритуал *Tigir Tajji*, детально реконструированный исследователем по шагам, представляет архаичный небесный культ, не сводимый к классическому шаманизму.

Записи погребально-поминальной обрядности, а также разработанная С.Д. Майнагашевым классификация понятий души (*тын, хут, сўна, ўзўт*) свидетельствуют о полисемии загробных представлений. Наличие в хакасских верованиях идеи подземного суда Ильхана, этического воздаяния и учения о многократной смерти души (вплоть до метаморфозы в ночную бабочку) указывает на элементы, выходящие за рамки примитивного анимизма. С.Д. Майнагашев первым заговорил об этой внутренней противоречивости, хотя окончательного решения не нашёл.

Полемические статьи С.Д. Майнагашева под псевдонимом «Не шаманист» – это одновременно некий манифест, где встречаются этнографическая критика и гражданская позиция. Автор доказал,

что насильственная христианизация (от сожжения бубнов до публичных телесных наказаний шаманов) наносит коренным народам непоправимый психологический и культурный ущерб. Миссионеры при этом ни образования, ни медицинских знаний не давали, что объективно способствовало экономической деградации и вырождению хакасов. При этом сам исследователь не был против культурной эволюции как таковой. Он понимал необходимость перемен, но настаивал на «культурных методах» борьбы с шаманизмом – через просвещение и развитие, а не через силовое подавление.

Смерть С.Д. Майнагашева в 1920 г. практически прервала развитие цельного этнографического направления, которое он представлял как исследователь. Последователи данного направления появились лишь во второй половине XX в., но собранные им материалы – тексты ритуалов, фонограммы, фотографии, таблицы по сёкам – остаются до сих пор ценной источниковой базой для исследований традиционной культуры хакасов. Предложенный им этноним «хакасы» получил официальное закрепление и стал основой современной этнической идентичности. Публикации С.Д. Майнагашева до сих пор остаются научно значимыми как наиболее подробное документальное свидетельство архаичных верований, зафиксированное самим носителем традиции.

## ЛИТЕРАТУРА

1. [Не шаманист]. Шаманы и их официальные противники / Не шаманист. – Текст : непосредственный // Минусинский листок. 1915. № 58.
2. Гладышевский А.Н. Степан Дмитриевич Майнагашев. 1886–1920: очерк жизни и деятельности / А.Н. Гладышевский. – Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1999. 62 с. Текст: непосредственный.
3. Майнагашев С.Д. Борьба с шаманством в Минусинском крае / С.Д. Майнагашев. – Текст : непосредственный // Сибирь. 1913. 20 декабря.
4. Майнагашев С.Д. Жертвоприношение небу у бельтыр / С.Д. Майнагашев. – Текст: непосредственный // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Петроград, 1916. Том XIV, выпуск 3. С. 93–102. (С двумя таблицами рисунков).
5. Майнагашев С.Д. Загробная жизнь по представлению турецких племён Минусинского края / С.Д. Майнагашев. – Текст : непосредственный // Живая старина. 1915. Том XXIV, выпуск 3. С. 277–292.

(Известия Русского Географического общества; с четырьмя таблицами рисунков).

6. Майнагашев С.Д. Отчёт по поездке к турецким племенам долины реки Абакан летом 1913 года / С.Д. Майнагашев. Текст: непосредственный // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношении. – Петроград, 1914. Серия II, № 3. С. 108–116.
7. Майнагашев С.Д. Отчёт по поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 года / С.Д. Майнагашев. Текст: непосредственный // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношении. – Петроград, 1914. Серия II, № 3. С. 117–128.
8. Суховский В. О шаманстве в Минусинском крае / В. Суховский. Текст: непосредственный // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – Казань, 1901. Т. 17, вып. 2–3. С. 147–155.

## REFERENCES

1. [Ne shamanist]. Shamany i ih oficial'nye protivniki / Ne shamanist. – Tekst : neposredstvennyj // Minusinskij listok. 1915. № 58.
2. Gladyshevskij A.N. Stepan Dmitrievich Majnagashev. 1886–1920: ocherk zhizni i deyatelnosti / A.N. Gladyshevskij. – Abakan: Izdatel'stvo Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 1999. 62 s. Tekst: neposredstvennyj.
3. Majnagashev S.D. Bor'ba s shamanstvom v Minusinskom krae / S.D. Majnagashev. – Tekst : neposredstvennyj // Sibir'. 1913. 20 dekabrya.
4. Majnagashev S.D. Zhertvoprinoshenie nebu u bel'tyr / S.D. Majnagashev. – Tekst: neposredstvennyj // Sbornik Muzeya antropologii i ehtnografii. – Petrograd, 1916. Tom XIV, vypusk 3. S. 93–102. (S dvumya tablicami risunkov).
5. Majnagashev S.D. Zagrobnaya zhizn' po predstavleniyu tureckih plemyon Minusinskogo kraya / S.D. Majnagashev. – Tekst : neposredstvennyj // Zhivaya starina. 1915. Tom XXIV, vypusk 3. S. 277–292. (Izvestiya Russkogo Geograficheskogo obshchestva; s chetyr'mya tablicami risunkov).
6. Majnagashev S.D. Otchyot po poezdke k tureckim plemenam doliny reki Abakan letom 1913 goda / S.D. Majnagashev. Tekst: neposredstvennyj // Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednej i Vostochnoj Azii v istoricheskom, arheologicheskom i ehtnograficheskom otnosheniyah. – Petrograd, 1914. Seriya II, № 3. S. 108–116.
7. Majnagashev S.D. Otchyot po poezdke k tureckim plemenam Minusinskogo i Achinskogo uezdov Enisejskoj gubernii letom 1914 goda / S.D. Majnagashev. Tekst: neposredstvennyj // Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednej i Vostochnoj Azii v istoricheskom, arheologicheskom i ehtnograficheskom otnosheniyah. – Petrograd, 1914. Seriya II, № 3. S. 117–128.
8. Suhovskij V. O shamanstve v Minusinskom krae / V. Suhovskij. Tekst: neposredstvennyj // Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i ehtnografii pri Kazanskom universitete. – Kazan', 1901. T. 17, vyp. 2–3. S. 147–155.